

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ФОН ПОРТОВОГО ГОРОДА

Е.Н. Степанов

Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова, Украина

stepanov.odessa@gmail.com

Цель статьи – показать специфические черты лингвокультурного фона русской речи города, экономически ориентированного на морехозяйственную деятельность и торговлю. Результатом исследования являются выявленные факторы влияния на специфику лингвокультурного фона портового города: социально-экономический, социально-этнический, геоклиматический и культурно-исторический. Лингвокультурная специфика города реализуется, в первую очередь, через семантические особенности денотативного и коннотативного уровней лексико-фразеологической системы городской речи: как в койне города, так и в его социолектах.

Ключевые слова: лингвокультурный фон, городская речь, русский язык, городское койне, городские социолекты

Понятие лингвокультурного фона языковеды обычно используют при изучении особенностей перевода либо способов передачи фоновых и безэквивалентных понятий в лексике, фразеологии, а иногда и в фонетике, грамматике. Приоритет современных антропоцентрических исследований даёт всё больше оснований для изучения закономерностей в изображении лингвокультурного фона нерусских реалий писателями и поэтами. Это направление известно лингвистике. Вспомним хотя бы работы, в которых интерпретируются тексты «Хожения за три моря» А. Никитина, «Путешествия в Арзрум» А. С. Пушкина, «Фрегата “Паллада”» И. А. Гончарова, «Африканского дневника» Н. С. Гумилёва и других путевых заметок.

Опыт наших исследований свидетельствует о том, что свои закономерности и средства имеются и в изображении лингвокультурного фона в русском языке носителей, проживающих в городе и деревне, мегаполисе и небольшом городе, в портовом, шахтёрском, курортном, военном и других городах, в регионах с разными климатическими условиями [Степанов 2013]. В том же ряду находятся гендерные, возрастные, другие социолингвистические исследования лингвокультурного фона речи разных социальных категорий населения.

В данной статье мы попытаемся показать лишь те особенности русской речи, которые характерны для жителей больших портовых городов. За основу взята русская речь одесситов.

Мы выделяем 4 основных параметра, которые необходимо учитывать в исследовании лингвокультурного фона речи жителей портового города: 1) социально-экономический; 2) социально-этнический; 3) геоклиматический; 4) исторический.

Основными единицами языка, отражающими специфику лингвокультурного фона, являются лексемы и фразеологизмы. В лексико-фразеологических системах городских койне наилучшим образом реализуется феномен городской прецедентности, обусловленный указанными выше социально-экономическим, социально-этническим, геоклиматическим и историческим факторами.

Особенности экономической деятельности и обусловленного ею социального поведения горожан отражаются в семантической специфике денотативного и коннотативного уровней лексико-фразеологической системы городской речи: как в городском койне, так и в социолектах города. Одним из факторов постоянного обновления лексико-фразеологической системы является развитие социально-экономических отношений. Появляются новые либо трансформируются уже существующие денотаты. Денотативный и коннотативный макрокомпоненты каждой единицы в том или ином городе могут иметь свою специфику, вызванную степенью значимости для городского социума определённых сфер хозяйствования, организацией их инфраструктуры и наличием либо отсутствием сфер с этно-экономическими особенностями. Исследование русской городской речи Одессы свидетельствует о том, что чаще других используются морская и коммерческая метафоры с соответствующими денотативными микрокомпонентами вместо единиц, семантические структуры которых в стандартной русской речи не содержат сем 'морской', 'коммерческий'. При этом появляются коннотативные семы, значение которых зависит от конкретных целей и ситуаций коммуникации.

В портовых городах экономическая жизнь тесно связана с морем и ориентируется на определённые географические особенности расположения порта, демографические, энергетические и транзитные возможности города, биологические ресурсы водоёма, на берегу которого этот город расположен. Специальный лингвистический анализ указывает на связь большинства сфер деятельности горожан с морскими отраслями экономики. Самым весомым аргументом в подтверждение этого является широкое применение морской терминологии и единиц профессионального жаргона моряков писателями, поэтами, журналистами города. Многие из этих слов понятны большинству горожан, даже тем, чья профессиональная деятельность не связана с морем. Напр.: *Обводы и общая конструкция "паузки" не отличается от баржи* [Моряк, 215, 2.07.1922: 1]. *Слева от нас призрачной башней медленно двигался маяк, справа – тихий, безлюдный брекватер* [Бондарин 1981:10]. *На леерах развешены тельняшки / И чуточку повыше рештованья / Приспущен старый вымпел расставанья* [Гордон 1982:15]. *Запрет Регистра шуткой преврал, / Я трогаю машинный телеграф...* [Там же] (о службе Государственного регистра, разрешающей или запрещающей судну выходить в плавание, хорошо знают моряки и члены их семей).

Частыми являются примеры морской метафоры типа: *бросить якорь*, *бросить спасательный круг* ("помочь"), *бросить швартов (-ы)* ("ухаживать"; просторечное "швартоваться"), *бросить маяк* ("объяснить", "предоставить информацию", "проинформировать"; жаргонное "дать наколку"). Обычно в городской речи наблюдается сдвиг в сторону меньшей стилистической сниженности, чем это определено стандартом. Напр.: *Ты что, пионер-школьник? Ты женщин не видел? <...> А тут что-то не то. <...> Может, швартовка твоя подошла?* [Митрофанов 1982:87]. В данном контексте *швартовка* – не грубое, а фамильярное просторечное слово. *Рубль довольно прочно стал на якорь* [Моряк 23.07.1922:2] (*стать на якорь* = "перестать инфлироваться"). *А ведь я горел, котлом кипел, аж пузырился* [Шквал 1928:9] (*кипеть котлом* = "волноваться, беспокоиться"). *И, как закон, полчаса – горизонт голове и ногам* [Митрофанов 1992:100] (*горизонт голове и ногам* – "лечь"). *"Черноморцу" нечего "ловить"* [Пойзнер 2001:52] (в жаргоне футбольных фанов *ничего ловить* = "не выиграть, не удержаться в игре"). *Несчастье шлялось под окнами, но оно было пьяно, как водолаз* [Бабель 1986:125].

Водная и морская терминология издавна входит в фольклор народов, населяющих морские побережья и ведущих хозяйственную деятельность в море [471]. Морская метафора, метонимия, морской эпитет, морское сравнение широко используются в художественном и публицистическом одесском дискурсе. Сема 'морской' в этих фигурах, как правило, яркая. Обычно морской микрокомпонент в них эксплицитен. Он может быть представлен разными способами: 1) словами с корнем *мор-* (напр.: *У тебя же вид "на море и обратно"* [Пойзнер 2001:225] (= "нелепый вид"). *Эти "моряки в седле" до сегодняшнего дня окружают меня...* [Пойзнер 2001:177] (= "те, кто получил береговую профессию в морском вузе"). *Морская акула – человек казённый* [Кармен 1977:64] (= "портовый охранник"); 2) единицами, называющими общеизвестные морские объекты (напр.: *Он въехал на пяточок Соборки..., как пиратский корабль входит в чужие воды из нейтральных* [Пойзнер 2001:53]. *Но всё сильней стремимся мы к походам / И всё решительней вираем якоря, / Чтоб обуздать штормящие моря. <...> Приучены державить над судьбою / И каждую ступень на трапе восхожденья / Брать с бою!* [Карев 1981:48]); 3) терминами, характерными для профессиональной речи моряков (напр.: *Боковое появление Маргариты* [Крокодил 1911, 35]. Ср.: *боковой крен, боковой ветер. На траверсе – акации в строю, / Я лагом к Дерибасовской стою* [Гордон 1982:14]. *Еду на горбатом "Запорожце" в часть. Забил его ниже ватерлинии – от и до...* [Пойзнер 2001:148].

Денотаты 'берег' и 'море' в речи жителей портовых городов нередко противопоставлены по признаку "место работы"; данная ситуация заимствована из судоводительского дискурса. Напр.: *На берегу работы нет... Пошёл плавать – сбывлась*

детская мечта... [Пойзнер 2001:267]. В устной и письменной речи частыми бывают сухие, полусухие, образные и индивидуально-авторские метафоры, в денотативном макрокомпоненте значений которых имеется периферийная либо окказиональная сема 'рыба'. Напр.: 1) *В день могу иметь гривень, ну, 15-20. Смотри какой косяк пошёл...* [Пойзнер 2001:220]. Реплика шахматиста-любителя с одесской Соборки. *Косяк* – те, кто виснет на “крючок” шахматиста. 2) *Чтоб тую скумбрію незаметно было в нашем голубом Чёрном море* [Катаев 1989:250]. В отличие от скумбрии, *кефаль* выступает как метафора с отрицательной коннотацией. Ср.: *Мерзавец, кефалик проклятый, рачколя дохлая*, – думал он про цирюльника... [Зритель 1922, 1:3]. Слово *рачóля* в нерегулярно функционирует как собирательное существительное со значением "рачки = креветки", в метафорическом употреблении *рачколя* обладает негативной коннотацией и, характеризуя человека, функционирует со значениями, подобными зооморфным метафорам *насекомое*; *навозный жук*. Полагаем, что *кефалик* и *рачколя* в указанном употреблении являются безэквивалентными одессизмами.

Когнитивная "рыбная" метафора в речи одесситов бывает перенесённой не только с водного животного на человека, но и наоборот. Напр.: *И больше соли! Мало дашь, так получишь интеллигентного рака. А кому нужен интеллигентный рак? Ни рыба ни мясо...* [Пойзнер 2001:35]. Метафора *интеллигентный* коррелирует здесь с фразеологизмом *ни рыба ни мясо*.

Соизмеримым по значимости с морским онтологическим направлением экономической деятельности жителей портовых городов является торговля и бизнес. Торгово-деловая сфера – важная составная часть экономико-социального макрокомпонента в их языковой картине мира.

Фоновый характер использования единиц социально-экономического макрокомпонента с торгово-деловым микрокомпонентом можно назвать более ярким, чем у единиц с морским микрокомпонентом. Во-первых, большинство торгово-деловых урбанизмов, в отличие от морских, являются социолектными словами, поэтому оказываясь в городском койне при расширении узуальности, попадают прежде всего в городское некодифицированное просторечие, фактически сохраняя свои оценочные и эмоциональные коннотации. Во-вторых, из-за своего преимущественно социолектного функционирования выход торгово-деловых урбанизмов за пределы речи одного города происходит редко, поэтому фоновыми в этой группе лексических и фразеологических единиц обычно являются урбанизмы, имеющие соответствия в общеупотребительном фонде. Ср.: *форцовщик* ≈ *спекулянт*; *давать* ≈ *платить*; *тянуть* ≈ *стоять*; *пассажир* ≈ *покупатель*; *гешефтмахер* ≈ *бизнесмен*; *гуцать на сходнях* ≈ *подписывать договор* и под. Напр.: *После войны он жил вместе с дочерью и зятем – обычным одесским фарцовщиком* [Пойзнер 2001:339]. *Ма́хер, гешефтма́хер, фо(а)рца́,*

фо(а)рэц (а позже *фо(а)рцџовщик*) вошли в речь одесситов из языка идиш благодаря активному участию представителей еврейской общины города в коммерческой деятельности. *Махер* (< ид. מאכער) – обычный торговец, покупавший товар оптом дешевле и перепродававший в розницу в нескольких местах. *Гешефтмахер* (< ид. געשעפטמאַכער) занимал функциональную нишу современного бизнесмена (*бизнесмен, деловар*). Слову *форцџовщик*, которое до сих пор употребляется, одесситы отдают большее предпочтение, чем его синониму *спекулянт*. В XIX в. такого урбанизма ещё не было, вместо него функционировало слово *форџец*. Сначала *форцџом* называли человека, который умел своим красноречием сбить цену на оптовую партию товара, дёшево покупал, благодаря чему имел *фору* перед махерами в дальнейшей перепродаже *форцџы* (перекупленной партии товара). Следовательно, *форџец* зарабатывал не только как *махер*, но и как практик в области нейролингвистического воздействия. Слова *форџец* и *форца* возникли как метафоры с негативной коннотацией. *Форџец* было синонимом русского оценочного существительного *вонючка*, а *форца* – существительного *вонь*. Образовано от грубого еврейского (в идиш) פּוּרְפּוּץ [форц] – “газы, выходящие из кишечника” и פּוּרְפּוּץ [форцн] – “выпускать газы из кишечника” [Степанов 2008:70-71].

Безэквивалентными могут быть единицы, называющие реалии торгово-деловой сферы, характерные только для пространства одного города. Так, только для Одессы были характерны в специфическом значении слова *заяц* и *скаун*: *Тут же, на Пересыти – главная биржа перекупищиков, “зайцев”, “скаунов” и прочих мелких гешефтмахеров, которые ежедневно далеко до рассвета выходят на промысел и пускают в дело всевозможные хитрости, чтобы накрыть простоватого крестьянина, везущего в город зерновой хлеб* [Путеводитель 1889:33].

Торгово-деловой микрокомпонент значения в структуре экономико-социального макрокомпонента может сочетаться с микрокомпонентами 'торговля', 'финансы', 'хозяйственное право' и некоторыми другими. Наши исследования показывают, что подвижность лексического состава профессионального арго коммерсантов и бизнесменов коррелирует с перманентным процессом декодирования старых арготизмов и проникновения в этот идиом новых единиц, чаще всего из других дискурсов. Напр.: 1) *Шо же вы взяли? Кто экономит на рыбе?* [Пойзнер 2001:261]. *Тут за углом дают красивые бананы по десять гривен, так я вспомнила об очередях!* [Из разг., 2014]. *Молоко мы будем брать теперь у армян на «Жигулёнке»* [Из разг., 2012]. Из арго торговцев XIX в. в русскую речь Одессы пришла традиция не говорить *покупать* и *продавать*, а заменять эти слова теми, в которых отсутствует сема 'деньги' – *брать* и *давать*. 2) *Вы шо, дядя! Даже у Давида-партизана та бутылка тянет 12 рублей* [Пойзнер 2001:180]. *Что просит эта куцая козочка?* [Из разг., 2013]. Даже в двадцать первой семеме *тянуть* в МАС – “иметь тот или иной вес, весить” – не отмечена денотативная сема 'деньги', в отличие от регулярного в городской речи

одесситов *тянуть* = "стоять". В начале XXI в. информанты отмечают устарелость и грубоватость этой метафоры, отдавая предпочтение метафорическому *просить* в этом же значении. 3) *Я всегда поражался его способности быть "на всех базарах"* [Пойзнер 2001:314] (*быть на всех базарах* = "всюду успевать"). *Езжу, в основном, "мимо денег"...* [Пойзнер 2001:223] (в профессиональных жаргонах одесских таксистов, водителей маршруток и проводников *ездить мимо денег* = "выполнять невыгодные рейсы"). *Как быть со сдачей?* [Пойзнер 2001:118] (= "чем отблагодарить, расплатиться?"). К этой же группе ФЕ относится поговорка *Подкладка тяжёлого кошелька сшита из слёз* [Бабель 1986:117] (= "большое состояние можно сколотить только на чужом горе"). 4) *Так мы ж в ту субботу шпаклевали облкниготорг.* <...> – *А ты что, маляр?* <...> *Шпаклюем означает... скупаем дефицитные книги* [Пойзнер 2001:36]. Выделенный арготизм торговцев 1960-х – 1980-х г.г. (из строительного дискурса) – метафорического происхождения. Опытные спекулянты скупали только дефицитный товар, которым можно было заполнить "щели" повышенного спроса: *шпаклевали*. Отобранный товар в арго спекулянтов назывался *шпаклёвкой*.

Продуктивны в русской городской речи разные способы формальной и семантической трансформации в ФЕ, в которых концептуализируется торгово-деловая сфера жизни общества. Так, в жаргоне одесских футбольных фанов семантический трансформ *внешний рынок* = ¹"противники любимой команды"; ²"люди, болеющие не за местные спортивные клубы" (*То, что ему... не прощалось в разговорах между своими, ...приветствовалось Соборкой в нравоучениях на "внешнем рынке", то есть, когда надо было разобраться с незваными гостями – пришельцами извне* [Пойзнер 2001:51]); *группа товаров* = "специальность, занятие, профессия" (*Будем учить "по чуть-чуть" уже футболу. <...> Это как раз наша группа товаров...* [Пойзнер 2001:47]).

С социально-этническим фактором связано появление в речи горожан единиц, проникающих в городское койне из речи поселяющихся в портовом городе национальных групп, а также из речи моряков и торговцев, систематически бывающих в городе и ведущих в нём активный образ жизни. Поведение таких групп носит обычно прецедентный характер. В каждом портовом городе наблюдается своя специфика взаимовлияния языков, однако влияние на основной язык общения иных языков всегда очевидно. Например, на городскую речь Санкт-Петербурга заметное влияние в разное время оказывали немецкий и финский языки, на русскую речь Одессы – украинский, идиш, итальянский, греческий, молдавский, французский, польский; имеются даже единичные заимствования из китайского и японского. Очевидно, что в абсолютном большинстве случаев города становятся полилингвокультурными в связи с экономическими мотивами поселяющихся в этих городах людей. Приведём пример: *Старый фармацевт с грустью вспоминал за ушедшие годы*

[Смирнов 1997:62]. *Фармазón* – от польск. *farmazon* < греч. *φαρμασωνας* < фр. *franc-maçon* – “франкмасон”, “революционер”, “вольнодумец”, “либерал”. С такими значениями это слово определяется как устаревшее, просторечное. Где и когда оно приобрело бранную коннотацию, став синонимом слов *наглец*, *аферист*, *обманщик*, *мошенник*, словари не отмечают, однако значения эти относительно новые. Наиболее вероятно, что они возникли в среде поляков, производивших и оптом продававших на экспорт зерно, кожу и шерсть в Одессе. С начала существования одесского порта и до 1850-х годов греки выступали монополистами в экспортных операциях с хлебом, уступив монополию евреям лишь в середине XIX в. [Яковлев 1894:376]. В I-й трети XIX в. современники, среди которых был и А.С. Пушкин, воспринимали греков как наиболее революционизированный этнос Европы, т.е. как *фармазонов*. Посредничество этих *фармазонов* в экспортных операциях с хлебом и другой сельхозпродукцией непосредственно касалось помещиков-поляков. Материальную выгоду от операций имели обе стороны, однако меньше рисковал и неизмеримо быстрее богател посредник, прибегая в удобных ситуациях, по законам свободного рынка, к откровенной наглости и мошенничеству монополиста. Всё это, видимо, и стало основанием для семантического сдвига к адстратному *farmazon* / *фармазон*, которое в I-й трети XIX в. употреблялось в Одессе как псевдоэтноним греков. Следовательно, семантическая парадигма полонизма *фармазон* обогатилась семами ‘наглый’, ‘афера’, ‘обман’, ‘мошенничество’ в I-й пол. XIX в. вследствие семантического сдвига, ставшего результатом активных деловых отношений поляков и греков в Одессе. Из русской городской речи одесситов новые денотативный и коннотативный макрокомпоненты значения этого слова распространились в польское, русское, украинское общеупотребительное просторечие [Степанов 2004:280].

Языковой портрет города зависит от геоклиматического фактора. Так, русской речи Одессы присуще более частое, чем речи русскоязычного материка, употребление элементов лексических фондов, связанных с реалиями причерноморской степи. В лирике одесских поэтов преобладает степной пейзаж и пейзаж южного моря. Среди объектов растительного мира поэтизируются *виноград*, *белая акация*, *тополь*, *платан*, *подсолнух*; среди географических объектов – *море*, *лиман*, *степь*; среди климатических процессов – названия черноморских ветров (*бора*, *бриз*, *левант*), помех в видимости горизонта (*дымка*, *туман*); среди людей по профессиональному признаку – *моряки*; среди цветов – *синий*, *голубой*, *жёлтый*. В подтверждение этих наблюдений приведём ряд примеров. Так, *тополь* символизирует у поэтов юго-западной литературной школы человеческую молодость, красоту, непокорность, стабильность: *Стройный тополь с высоты / Рассыпал свой пух. / И от этой красоты / Ввысь взмывал мой дух* [Томчи 1993:6]. *Вспомню ... Опалённые пожарищем / Тополя над пепелищем хат...* [Карев 1981:11]. Тополь с древних времён имел

символическое значение для народов, населявших северное Причерноморье. Например, частое изображение этого дерева в охотничьих сценах на рубеже двух эр [Маркевич б. г.: 2] свидетельствует о том, что *тополь* был тогда символом охотничьей удачи и безопасности. *Уноси меня, шаланда, озорной водой облей! Ветра синего – “леванта” – В паруса хвати смелей!* [Домрин 1980:65]. *Слова ж подхватывает бриз...* [Гордон 1982:7].

Культурно-исторический фактор обуславливает использование любого их специфических средств, в том числе обусловленных социально-экономическим, социально-этническим и геоклиматическим факторами, однако лучше всего проявляется в использовании урбанотопонимии и городской прецедентной антропонимии, а также оттопонимных и отантропонимных единиц, городской фразеологии. Суффиксальные отурбанотопонимные антропонимы могут коррелировать с отэргонимными антропонимами, характеризующими человека по месту его работы, учёбы и под., образуя пары омонимов. Например, в речи одесситов: *китобóец* – (устар.) член экипажа китобойной флотилии “Советская Украина” и житель Китобойной или соседних с ней улиц; *зóровец* – (устар.) рабочий ЗОРа (завода им. Октябрьской революции и житель посёлка ЗОР).

Прилагательное *карантинный* толкуется как “относящийся к карантину”. В Одессе слова *карантин* и *карантинный* в зафиксированных словарями значениях употребляются с начала строительства города. Однако имеется ещё несколько безэквивалентных одессизмов *Карантин (карантин)*. Крупнейший в центральной части города прибрежный парк культуры и отдыха им. Шевченко – территория бывшего противочумного *Карантина*. Во 2-й пол. XIX в., когда здесь был высажен Александровский парк, одесситы говорили, что идут *гулять в Карантин*. Однако наиболее частотное в одесском дискурсе значение слова *Карантин (карантин)* имеет метонимическое происхождение, не зафиксированное академическими словарями: ¹“часть акватории порта (Карантинная гавань с Карантинным молом) и прилегающая к ней территория самого порта” с портовыми пакгаузами для складирования товаров; ²“порт”. В порту находили работу и приют тысячи нищих, деклассированных элементов. К Карантинной гавани ведёт *Карантинная балка (Канавы)*, где когда-то располагались ночлежки для бездомных. Эти геосоциальные особенности легли в основу ряда одесских фразеологизмов с негативными коннотациями, указывающих на отношение носителей денотативных признаков к социальному дну: *карантинные ругательства, байстрюк карантинный, карантинная бикса, карантинный жлоб, карантинные нравы* и под. До 2-й пол. XX в. обычным в Одессе было выделение двух центров воспроизводства грубой брани: порт и припортовая зона (*карантин*) – мужской, а *привоз* – женской. Основными “творцами” и носителями первой были портовые грузчики и бездомные завсегдаи ночлежек, второй – привозные торговки, перéкупки (*ругаешься, как*

грузчик (как карантинный босяк; как портовый / карантинный бич) / ругаешься, как привозная торговка (как торговка с привоза; как рыбная торговка; как на Привозе)).

Таким образом, лингвокультурный фон речи того или иного города – важный феномен в понимании специфики культурного кода жителей того или иного города. В нашем исследовании на примере русской городской речи Одессы показано, что основными в формировании лингвокультурного фона портового города являются социально-экономический, социально-этнический, геоклиматический и исторический факторы. Дальнейшее исследование проблемы следует направить, во-первых, на установление межъязыковых и межкультурных универсалий в речи носителей разных языков, проживающих в больших портовых городах мира, а в дальнейшем – на определение таких универсалий и особенностей речи в городах, специфически ориентированных в экономическом отношении.

Литература

- Бабель И. Э. 1986 – *Избранное*. Минск: Мастацкая літаратура. 272.
- Бондарин С. А. 1981 – «Скиф». *На берегах и в море*. Москва: Советский писатель. 4-104.
- Гордон И. Б. 1982 – *Берег Отрады*. Одесса: Маяк. 94.
- Домрин В. В. 1980 – *Свет земли*. Одесса: Маяк. 112.
- Зритель* 1922: еженедельный журнал литературы, театра, кино, спорта. Одесса.
- Карев Г. А. 1981 – *Солёный ветер*. Одесса: Маяк. 56.
- Кармен Л. О. 1977 – *Рассказы*. Москва: Художественная литература. 286.
- Катаев В. П. 1989 – *Белеет парус одинокий. Хуторок в степи*. Москва: Правда. 558.
- Крокодил* 1911: еженедельное издание. Одесса: Б.Д. Флит, Ф.Б. Сегал. № 35.
- Маркевич А. И. Б. г. – *К вопросу о народах, живших в древнее время в Черноморьи*. Москва. 5.
- Митрофанов И. 1992 – *Водолей над Одессой. Знамя*. № 3-4. 84-128.
- Моряк : краевая газета Чёрного, Азовского и Каспийского морей* 1922-1924. Одесса.
- Пойзнер М. Б. 2001 – *С Одессой надо лично говорить... (Из подсмотренного и подслушанного)*. Одесса: Друк. 392.
- Путеводитель по Одессе и её окрестностям : справочная книга для одесситов и приезжих. Адрес-календарь – 1889*. Одесса. 129.
- Смирнов В. П. 1997 – *Операция «Гиппократ»*. Одесса: Одессей. 319.
- Степанов С. М. 2004 – *Російське мовлення Одеси*. Одеса : Астропринт. 496.
- Степанов Е. Н. 2008 – *Отражение этнопрофессиональной дифференциации населения Одессы в одесском городском койне (на примере некоторых итальянских и еврейских заимствований XIX – нач. XX в.)*. *Русистика и современность : Х междунар. науч.-практ. конф., 26-28 октября 2007 г. : материалы*. Санкт-Петербург: МИРС. Т. 1. 64-71.
- Степанов Е. Н. 2013 – *Русская городская речь в полилингвокультурном пространстве Одессы*: Дис. ... докт. филол. наук. Одесса. 596.
- Томчи Л. В. 1993 – *Мне ветры тайны нашептали...* Одесса: МП «Галина». 32.
- Шквал* 1928: двухнедельный журнал «Известий» Одесского Губкома КП(б)У, Губисполкома и Губпрофсовета. Одесса.
- Яковлев В. А. 1894 – *Кое-что об иноплеменниках в истории г. Одессы. Из прошлого Одессы: [сб. статей]*. Одесса: Маразли. 372-393.